

ВНЕ
ЗАКОНА

Чингиз
Абдуллаев

В
ОЖИДАНИИ
АПОКАЛИПСИСА

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Игры профессионалов

«PEN-клуб»

1994

Абдуллаев Ч. А.

Игры профессионалов / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1994 — (Дронго)

Игры профессионалов разведки далеко не всегда идут по правилам. Эксперт-аналитик Дронго хорошо знает это и готов к любым неожиданностям. Кроме, пожалуй, предательства. А оно застигает его врасплох... Закрывая собой Дронго, гибнет его возлюбленная. Он выживет, но не простит...

© Абдуллаев Ч. А., 1994

© PEN-клуб, 1994

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Чингиз Абдуллаев

Игры профессионалов

...Сказала, что если бы я и знала правду, то и тогда не стала бы вам мешать. Сказала, что вы действовали из самых лучших побуждений, а не ради того, что кто-то ждет глобальной войны, которая может и не произойти. Этот болван, наряженный полковником, заикнулся было о «нашей родине». А я сказала: «Что вы подразумеваете под словом „родина“? Флаг, который кто-то выдумал двести лет назад? Епископский суд и тяжбы о разводе, палату общин, где стараются перекричать друг друга? Или же БКТ¹, Управление английских железных дорог и кооперативы? Вы-то, наверное, думаете, что ваша родина – это ваш полк, если вообще даете себе труд подумать, но у нас с ним нет полка – ни у него, ни у меня». Они пытались меня прервать, но тогда я сказала: «Ах, простите, совсем забыла. Вы уверяете, будто на свете есть нечто более высокое, чем родина! Вы внушаете нам это всеми вашими Лигами Наций, Атлантическими пактами, НАТО, ООН, СЕАТО... Но они значат для нас не более, чем всякое другое сочетание букв. И мы вам уже не верим, когда вы кричите, что вам нужны мир, свобода и справедливость. Какая там свобода? Вы думаете только о своей карьере!»

Грэм Грин. «Наш человек в Гаване»

¹ БКТ – Британский конгресс тред-юнионов.

Глава 1

Он был убежден, что о нем забыли. За последние восемь месяцев не было ни одного звонка, ни одного вызова. Приученный жить в постоянной готовности, он в первое время добросовестно выполнял все указания по конспирации, не забывая раз в неделю являться к условленному месту. Все было тщетно. Связных не было, телефонных звонков тоже. Он пытался предугадать, когда раздастся очередной звонок, внимательно следя за сообщениями газет и выпусками последних новостей. Но его не вызывали. Даже тогда, когда, казалось, кроме него, никто не сможет разрешить этот вопрос, дать необходимую консультацию. Проклятый телефон молчал, а связные упорно не выходили на связь. До августа это его беспокоило, после двадцать второго он начал волноваться. Неудачный переворот в Москве больно ударил по его несостоявшейся карьере и, более того, поставил под сомнение всю его дальнейшую деятельность – деятельность профессионала высшего класса.

Он был не просто разведчиком или аналитиком, работающим на КГБ. Он был одним из профессионалов, о которых даже в КГБ ходили легенды. Несмотря на строжайшую конспирацию, в любой разведке мира существует вероятность провала агента или всей агентурной сети. Перебежчик, двойной агент, просто неудачный связной способны загубить лучшего агента, подставляя его другой стороне. После серии болезненных провалов, связанных с изменой резидентов КГБ сразу в нескольких европейских странах, стало ясно, что замыкать агента на самой структуре разведки невыгодно, иначе говоря – нерентабельно. Лучших профессионалов готовили десятилетиями, а один предатель мог поставить под угрозу этот бесценный капитал. Особенно болезненными для КГБ были измены Гордиевского, выдавшего большую агентурную сеть в Англии и в ряде стран Европы, и генерала Полякова, работавшего до своей поездки в Дели в разведшколе ГРУ и знавшего немало «интересного». Но даже они, эти люди, принадлежавшие к высшим эшелонам разведки, не могли знать о специальных агентах Комитета госбезопасности. Не зачисленные в штат разведки, никогда не обучавшиеся ни в одной из многочисленных школ КГБ, где, несмотря на сверхконспирацию, могли остаться их следы, не входящие в контакт с другими агентами, спецагенты были высшими профессионалами, о существовании которых знало лишь несколько человек в высшем руководстве КГБ.

Одним из таких агентов, засланных разведкой ГДР, полностью перенявшей советский опыт, был консультант Вилли Брандта по вопросам разведки. Скандал был грандиозный и стоил канцлеру его политической карьеры. О деятельности этого агента знали три-четыре человека в ГДР и несколько человек в КГБ СССР. Маркус Вольф, бывший начальник разведки ГДР, старался не посвящать никого более в курс дела. Тесно связанный с высшими руководителями КГБ и хорошо осведомленный о многих секретах комитета, он бежал после неудачного августовского путча в Австрию, но, поняв бесперспективность своего положения, сдался федеральным властям. Можно только догадываться, о чем мог рассказать Маркус Вольф западногерманским властям и почему его столь охотно дважды отпускали на поруки, несмотря на протесты прокуратуры Германии. Бегство Вольфа стоило КГБ потери еще целого ряда агентурных сетей в странах Восточной Европы.

К счастью, Вольф никогда не слышал о Дронго, иначе интерес к себе тот давно бы почувствовал. Но «почтовый ящик» был по-прежнему пуст. Агент, выходящий с ним на связь, никогда не знал, с кем именно он общается. Его невозможно было вычислить, даже если связной оказался бы предателем. Связной должен был ставить в условленном месте необходимый знак, и он, проходя мимо этого достаточно многолюдного места, замечал сигнал вызова. Даже если за этим местом велось самое тщательное наблюдение, такая операция не смогла бы его разоблачить... Все было предусмотрено для сохранения его инкогнито. Вся сила этих нескольких профессионалов была в том, что о них никто не знал. Именно благодаря этому на них могли

выйти только в результате провала в проводимой ими операции. Но такие срывы случались крайне редко. Их личных дел не было нигде, ни в одном, даже самом засекреченном отделе КГБ. В этом была их сила. После августа 91-го это стало их слабостью.

О его существовании знали несколько человек в КГБ. К несчастью, он знал, кто именно. Крючков и Грушко были арестованы в результате неудачной попытки августовского переворота. Генерал Леонид Шебаршин, профессиональный разведчик и его бывший непосредственный шеф, был уволен из органов КГБ. Еще один – полковник Смородин, знавший о существовании Дронго, скончался от инсульта. Оставались еще трое, некогда работавшие с ним. Но они не знали ни его настоящего имени, ни профиля выполняемых им задач.

Итак, к сентябрю месяцу, после смерти Смородина, он остался один. Это была абсолютно глупая, идиотская ситуация, в которую только мог попасть профессионал его класса. Идти в КГБ, к новым людям, доказывать, что ты профессионал, просто смешно. Самому выходить на связь невозможно. Он пытался это сделать трижды, оставляя сигнал о срочном контакте, но «почтовый ящик» молчал.

Связные, не получавшие заданий от нового руководства, более не появлялись в условленном месте. Сентябрь и октябрь тянулись невыносимо долго. Привыкший к нестандартным ситуациям, он мучительно размышлял над абсурдностью положения, в которое попал. Своеобразная сложность заключалась и в том, что подобная ситуация застала его дома, на работе, к которой он уже привык, в коллективе, где он работал последние годы, часто выезжая в зарубежные командировки.

Он мог оставаться просто советским человеком, занимающим определенное положение в обществе, имеющим свой круг общения, своих друзей и соседей. Никто из его близких никогда не догадывался об истинном призвании Дронго. Но эти осенние дни 91-го года были самыми тяжелыми в его жизни.

Когда наконец он увидел знакомый сигнал, он не поверил самому себе, решив, что это случайность. Для профессионала его класса это было недопустимое нарушение. Но он, переждав неделю, увидел второй настойчивый сигнал и понял – он кому-то понадобился.

Вместе с чувством облегчения пришло и чувство тревоги. Откуда они могли знать о его существовании? Где, в какой цепи мог произойти сбой? Неужели он и его бывшее руководство, предусмотрев все возможные варианты, где-то просчитались? На встречу он поехал в напряженном и нервном состоянии, не зная толком, радоваться ему или тревожиться. Впрочем, это в любом случае было концом неопределенности.

Глава 2

Начинающийся сильный дождь вынудил его ускорить шаг, и через несколько минут он уже входил в подъезд небольшого трехэтажного дома. По привычке, входя в дом, он оглянулся. Улица была пуста, и только на противоположной стороне по тротуару весело бежали две девушки. Проводив их взглядом, он еще раз оглянулся и вошел в дом.

Запах пыли и плесени сразу ударил в ноздри, пока он поднимался вверх. На третьем этаже он еще раз оглянулся и постучал. Дверь открыли почти сразу, как будто его ждали. Он кивнул незнакомцу, проходя в коридор. Незнакомец, здесь всегда были неизвестные и безликие сторожа, посторонился, уступая дорогу. Лишних слов не требовалось. Здесь знали, кто должен прийти. Впрочем, посторонний человек сюда не заходил. Его бы просто не пропустили.

Он вошел в большую комнату, где уже сидели двое. Это была странная комната, расположенная в центре квартиры и бывшая ранее частью большой залы. В ней не было окон, и неяркий электрический свет создавал причудливые образы находившихся в этой комнате людей, отбрасывающих неправдоподобно длинные тени.

– Здравствуйте, – просто сказал он, – я приехал.

– Проходите, садитесь, – радушно пригласил его один из «хозяев», если в этой комнате вообще могли быть хозяева. Второй молча, испытующе смотрел на него.

Он снял плащ, бросив его на кресло в углу, и сел за стол, с любопытством осматриваясь вокруг.

– Эта комната как будто не меняется, – попытался улыбнуться он, стараясь несколько смягчить обстановку.

Его поняли.

– Специфика нашей работы никогда не меняется, – улыбнулся первый, вернее, попытался улыбнуться.

«Мы всегда только пытаемся улыбаться, – подумал гость. – Это тоже специфика нашей работы».

– Я приехал по вызову, – кратко сказал он, – готов, если понадобится, выехать в командировку.

– Как вы себя чувствуете? – спросил первый.

– Неплохо. Я уже полностью здоров. Прошел специальный курс реабилитации.

– Рука не болит?

– Нет, все нормально. Я был у врачей месяц назад. Никаких отклонений.

– Как ваша работа?

– Могла быть и получше, – засмеялся гость, – работаю в журнале. Пишу рецензии на разных авторов, иногда делаю кое-какие статьи. Ничего особенного. Впрочем, вы, наверное, знаете.

– Я читал ваши статьи, интересно написаны. Вы не хотели бы всерьез заняться литературой?

– Вы для этого меня вызвали? – встрепенулся он. – Я и так уже достаточно долго «серьезно» занимаюсь литературой.

– Так решили врачи. Вам нужно было успокоиться, прийти в себя. Ранение было достаточно серьезным. Вы были почти в безнадежном состоянии.

– Я помню, – мрачно сказал он.

– Тогда вам предложили на выбор несколько профессий. Вы сами выбрали работу в журнале.

Он кивнул головой. Все правильно. Все решения он принимал всегда сам. В конце концов, еще десять лет назад он знал, на что идет.

– Вам не нравится ваша нынешняя работа? – вдруг спросил молчавший все время второй.

– Нравится, – выдохнул он, – мне все всегда нравится. Я ведь психологически очень устойчив. Так, кажется, написано в моих медицинских книжках.

– Вы сделали тогда, в восемьдесят восьмом, большое и нужное дело. Мы всегда помним об этом, – сказал второй.

– Спасибо. А я уже начал забывать.

– Напрасно. Именно поэтому мы вас пригласили. – Второй поднялся, за ним быстро вскочил первый. По его мгновенной реакции гость понял, что второй был генералом или еще кем-нибудь в этом роде. Он поднялся вслед за ними.

– Указом Президиума Верховного Совета, тогда еще был Президиум, – улыбнулся второй, – вы награждены орденом Красного Знамени. Поздравляю вас.

Он взял со стола небольшую коробочку, передавая ее гостю. Тот замешкался, словно не понимая, о чем идет речь. Секундное замешательство быстро прошло. Он бережно взял коробку.

– Спасибо, – просто сказал он, чувствуя, как начинает дрожать левая рука, – спасибо.

Он посмотрел на орден и положил коробочку на стол.

– Это останется здесь? – спокойно спросил он.

– Да, – сурово подтвердил второй, – только здесь.

– Понятно, – он сел первым, уже не испытывая какого-нибудь интереса к этому кусочку металла, странно мерцавшему при неярком освещении. – Меня вызывали из-за этого? – безразличным голосом спросил он.

– Нет, – второй испытующе посмотрел на него. – Вы никогда не слышали моей фамилии? – Он представился. Просто назвал фамилию, имя, отчество. Гость пожал плечами.

– Простите, я никогда о вас не слышал. В КГБ я знал только Крючкова и Чебрикова. И то только из газет. Работавший со мной генерал Шебаршин на пенсии, а Смородин, кажется, умер.

– Я бывший заместитель начальника Первого главного управления КГБ, отдел внешней контрразведки.

– Я так и думал, – кивнул он. – Все правильно.

– Почему? – заинтересовался второй. – Почему я не могу быть из другого управления?

– Вы слишком напористы для разведчика, хотя мною всегда занималось Первое управление. И слишком прямолинейны. Простите, я привык говорить правду. Во всяком случае, со своими, товарищ генерал.

Его собеседник засмеялся.

– Вы именно тот человек, который нам нужен. Мой коллега из бывшего Второго управления, начальник отдела полковник Родионов.

– Я его знаю. Вернее, слышал его фамилию. Вы, наверное, остались у Бакатина?

– Пока неизвестно, – неопределенно сказал генерал. – Перейдем к делу. У меня к вам сразу несколько вопросов. – Генерал придвинул стул к столу и требовательно спросил: – Вы знали Кузичкина?²

– Да.

– Он оказался предателем, – прямолинейно сказал генерал.

– Ну и что! Это было давно. Я участвовал с ним всего в одной операции, да и то десять лет назад.

– Это вас не удивляет? – в упор спросил генерал.

– Нет, – покачал головой гость, – я привык ничему не удивляться.

– Почему? – поинтересовался его собеседник. – У вас были основания его подозревать? Его кличка была, кажется, Оса.

² Фамилия подлинная. Советский разведчик, работник посольства в Иране, перешедший на сторону британской разведки.

– Конечно, нет. Просто в этих грязных играх всегда бывает масса двойников с обеих сторон. А что, он дал показания против меня?

– Нет, не в этом дело. Хотя это несколько усложняет ситуацию.

Дронго молчал, понимая, что ему предстоит очередная командировка.

– Пришел запрос, – словно читая его мысли, сказал генерал. – Специальный комитет ООН приглашает одного из наших экспертов в Вену, на очередное заседание комиссии советников ООН по контролю за распространением наркотиков. Насколько нам стало известно, вам предложат посетить приграничные районы Пакистана и Индии.

– Меня всегда поражает, что КГБ и ЦРУ могут иметь своих людей даже среди советников ООН, – мрачно пошутил гость.

Но генерал не любил шуток. И не понимал их.

– Во время посещения вы будете выполнять свои конкретные задачи. Но было бы неплохо, если бы вы могли уточнить и некоторые моменты, интересующие нашу разведку. Особенно состояние нашей агентуры в Дели и Исламабаде. Вам это сделать легче, у вас будет официальное прикрытие эксперта ООН.

– Хорошо, но почему этим интересуется контрразведка? – не понял гость. – Простите, может, я не имею права спрашивать, но при чем тут и другое ведомство?

Генерал взглянул на своего коллегу, сидевшего рядом. Тот, пожав плечами, промолчал.

– Это наше общее задание, – чуть устало ответил генерал. – Этот вопрос интересует оба наших ведомства.

– Я могу узнать – почему?

– Вы знали генерала Полякова, резидента ГРУ в Дели?³ – чуть поколебавшись, спросил полковник Родионов.

– Да, конечно. Я слышал о нем. Он был начальником какого-то факультета.

– Он работал на английскую разведку, – сухо объявил генерал. – Еще будут вопросы?

– Это я уже знаю, но, признаюсь, никак не ожидал.

Генерал Поляков был начальником факультета, где готовили кадры разведчиков, в том числе и для военной разведки.

– В последнее время у нас слишком много потерь, – терпеливо объяснил Родионов, – и много провалов. Мы хотим проверить нашу линию, так как считаем, что среди наших сотрудников могут оказаться двойные агенты.

– Можно один вопрос?

– Один можно, – согласился генерал.

– Как вы на меня вышли? Насколько я знаю, моего личного дела нигде нет. Из оставшихся сотрудников никто не поддерживал со мной линию контакта. Я был практически недосягаем.

– Евгений Максимович Примakov был у генерала Шебаршина, и тот согласился помочь разыскать вас. Через него мы и вышли на вас, Дронго. Шебаршин считал, что такие агенты, как вы, составляют исключительную ценность и вас нельзя долго держать в резерве. Это не комплимент, – сухо сказал генерал. – Я просто повторяю его слова.

– Понятно, – ответил он, вздохнув. Значит, Шебаршин сдал его самому Примakovу. Это как-то утешало. Теперь у него будет новое ведомство. Или два хозяина одновременно. Значит, он снова будет работать. Хотя бы на месяц, на два он забросит свой всегда полный стол, заваленный рукописями, и отправится выполнять Дело, Дело, ради которого он дал согласие на эту проклятую жизнь десять лет назад. Дело, ради которого он трижды был ранен, и последний раз очень тяжело. Дело, которое составляет смысл его жизни.

Он встал.

³ Генерал Поляков. Фамилия подлинная. Резидент Главного разведывательного управления Министерства обороны в Индии.

– Подробности завтра вам расскажет полковник Родионов, – быстро сказал генерал, протягивая руку.

Гость протянул свою. «Дронго снова в игре», – подумал он.

Выходя, он еще раз посмотрел на свой орден. Коробочка осталась лежать на столе.

Через три часа после разговора он уже был на подмосковной даче, где получал необходимые документы. Весь его гардероб для зарубежных вояжей был подготовлен в Москве, и он мог пользоваться им исключительно во время своей командировки. Для скромного литературного «клерка» фирменные костюмы и импортные туфли были непозволительной роскошью. Для эксперта его класса при работе за рубежом – необходимостью. Ему выдавали неплохие командировочные, да и в ООН платили как специалисту. Но абсолютно все, вплоть до спичечных коробков, которые он привозил, он обязан будет оставить в Москве. Никто не должен догадываться о его настоящей работе. Он был не просто сотрудником ООН. Дронго был профессионалом. Секретные организации многих стран мира заплатили бы за любую информацию о нем, о его деятельности огромные деньги. Таких, как он, было всего лишь несколько человек – аналитиков высшего класса, профессионально работавших агентов, подготовленных к нештатным ситуациям.

На следующий день он выезжал в Польшу скорым поездом Москва – Варшава. В купе рядом с ним оказался словоохотливый поляк, неплохо говоривший по-русски, и он почти всю ночь был вынужден слушать своего собеседника. По строгим законам конспирации он не мог даже взять два билета, чтобы выспаться в купе, дабы не привлекать к себе внимания. Это тоже входило в правила профессионалов, которые он неукоснительно соблюдал.

Глава 3

Они сидели на небольшом балкончике на втором этаже, выходящем на тихую краковскую улочку.

– Как твои дела, Мигель? – Адам назвал его старым именем, под которым Дронго работал его заместителем семь лет назад.

– Ничего. – Он помнил, что тогда Адама звали «Шарль Дюпре», но он не мог и не хотел так называть своего бывшего шефа. Слишком тягостное воспоминание могло остаться у Купцевича после той операции. Из их группы тогда уцелели только они двое. В автомобиль, где сидели Адам Купцевич и еще один сотрудник ООН, была подложена бомба. Купцевич лишился обеих ног, а ООН потерял своего специалиста. Дронго помнил, что этим специалистом была Элен Дейли, любимая женщина Адама Купцевича. Его единственная и последняя любовь. Купцевич так и не женился после возвращения в Польшу. Спасли его тогда чудом, но ампутировали обе ноги. Дронго сделал все, что мог. Он нашел убийцу профессионального наемника Алана Дершовица – и убил его. Более он ничего не мог сделать тогда.

– Я слышал, ты был тяжело ранен? – спросил Адам.

– Да, в Нью-Йорке, три года назад.

– Как себя чувствуешь сейчас?

– Наверное, хорошо, если посылают на задание, – улыбнулся Дронго.

– Да, конечно, – согласился Купцевич, – а я вот сижу здесь уже столько лет без дела.

– Почему без дела? – удивился Дронго. – Ты ведь был представителем Интерпола в Польше.

– Был, – горько сказал Купцевич, – но до прошлого года. В Польше сейчас не жалуют коммунистов. Меня уволили по болезни. Все правильно, пенсию мне платят. Правда, в условиях нашей инфляции мне пришлось устраиваться еще и охранником в краковский музей. Это все, на что я оказался способен. Зато масса свободного времени.

– Я понимаю.

– Ничего ты не понимаешь. Пока я работал, я не чувствовал, что инвалид. А вот когда остался без дела... Мне ведь всего сорок три года. А в моих документах написано, что я был коммунистом и сотрудником нашей разведки. Представляешь, как ко мне относятся сейчас в Польше?

Дронго молчал, не решаясь прервать своего собеседника.

– Я иногда думаю, что та бомба должна была разорвать меня, а не Элен, – горько сказал Адам. – Впрочем, что сейчас говорить...

Дронго мрачно кивнул.

– Ты не обращай на меня внимания, – пробормотал Адам, – кто знал, что все так повернется. Тогда меня даже наградили. А в нынешней Польше я, оказывается, никому не нужен.

Он быстрым движением взял бутылку, налил себе зубровки и одним глотком осушил стакан. Закашлял, доставая сигарету.

– Ты еще не начал курить? – вдруг улыбнулся Купцевич.

– Нет, – покачал головой Дронго, – не люблю сигарет.

– Я помню, помню. Ты знаешь, я ведь несколько раз был в Швеции, видел дочь Элен.

– Как она? Уже, наверное, выросла?

– Студентка. Потрясающая девушка. И вся в мать, – Адам оживился. – Вот я думаю через год снова поехать к ней.

Не обращай на меня внимания, – помолчав, снова сказал он, – я иногда бываю меланхоличен. Это так, что-то находит. У тебя опять что-нибудь серьезное?

– Видимо, да.

- Ты не знаешь свое задание?
- Знаю. Просто мне не нравится с самого начала эта операция.
- Могу чем-нибудь помочь?
- Да нет. Просто интересно. Меня посылают в Вену для консультации. О моем выезде знают несколько человек. А уже в Варшаве я обнаружил за собой «хвост».
- Может, случайно?
- Нет. Я проверял. Мои блокирующие идут за мной почти открыто, не таясь.
- Тебе что, не доверяют в КГБ, или как у вас сейчас называется эта организация?
- Да нет. Доверяют, кажется, пока.
- Тогда в чем дело?
- Сам не знаю. Понимаешь, мне не нравится, что они почти не прячутся. Словно демонстративно идут за мной. И самое главное – они знают мой маршрут.
- Может, подстраховка, решили охранять?
- Тогда почему меня не предупредили?
- А что ты сам думаешь?
- Откуда я знаю, такого еще не было. О моем отъезде знали три-четыре человека. Ну, как обычно бывает... А тут вдруг «хвост» и уже в Варшаве. Я, кстати, и приехал в Польшу, только чтобы повидаться с тобой. А ведь мог полететь в Вену из Москвы.
- Они приехали за тобой в Краков?
- Конечно. Дежурят на соседней улице, в баре. Сейчас их только двое. Вон, кстати, отсюда виден этот бар.
- Хочешь, я проверю, кто это?
- Каким образом?
- Ну, кое-какие связи у меня еще остались, – засмеялся Купцевич, довольный тем, что может помочь, – ты меня подожди, я скоро вернусь.

Он заковылял по комнате и спустился вниз. Через несколько минут Адам уже выходил из дома, тяжело опираясь на свою палку.

Сначала он не верил своим глазам. Но три проверки подряд подтвердили, что это был «хвост». Он довольно неплохо знал Варшаву и чувствовал, что может в любой момент оторваться от преследователей. Но что-то удерживало его от этого шага. Поражала та бесцеремонная настойчивость, с которой велось это наблюдение. Они словно демонстрировали это наблюдение, всячески выставляясь. Опытные агенты так бы себя не вели. А неопытные не смогли бы на него выйти. В этом он был убежден. За час до отъезда он смог пройти черными ходами несколько варшавских домов и довольно легко оторвался от наблюдения.

Еще через сорок пять минут он был уже на вокзале и успел сесть в последний вагон состава, отправляющегося в Краков. По старой привычке он проверил ближайшие три вагона. В соседнем вагоне отдыхали двое его преследователей. Они даже не проверили его присутствие в поезде, словно уверенные в его конечном маршруте. За несколько станций до Кракова он сделал последнюю проверку, сойдя с поезда. Через три часа, когда он подъезжал к дому Купцевича, они были в соседнем баре. Вот тогда он впервые испугался. Но говорить об этом Адаму не стал, у того и так хватало неприятностей.

Минут через двадцать Купцевич вернулся обратно. Поднялся по лестнице на второй этаж и молча сел в кресло.

- Ну? – не выдержал Дронго.
- Одного из них я знаю, – недоуменно сказал Адам, – это Сергей Корнилов – советник советского посольства по вопросам безопасности. Офицер КГБ.
- Он тебя видел?
- Кажется, нет. Но ты можешь что-нибудь объяснить?
- Я рассказал тебе все, что мне известно.

– Что ты думаешь предпринять?

– Я сумел оторваться от них в Варшаве. Согласно первоначальному плану, утвержденному в Москве, я должен ехать из Кракова в Вену. У меня билет на поезд через Братиславу. Но я решил немного изменить свой маршрут.

Адам улыбаясь кивнул головой. Он был профессионалом и не спросил, каким именно маршрутом поедет Дронго. Его собеседник оценил эту улыбку Купцевича и его молчаливое одобрение.

«Я смогу выйти?» – молча показал пальцами Дронго. Купцевич кивнул, указывая в глубь комнаты на черный ход.

– Я могу чем-то помочь? – громко спросил Купцевич. Началась игра, и ее правила следовало соблюдать неукоснительно.

– Да. Мне нужен будет билет обратно до Варшавы. Я полечу оттуда в Вену. Это, в конце концов, скандал, что за мной наблюдают. Я устрою им такой скандал в посольстве, – гневно сказал Дронго, подмигивая Купцевичу.

– Я закажу такси, – пошел к телефону Адам, – и мы поедem на вокзал.

Если в доме были установлены подслушивающие устройства, то их наверняка уже услышали. Купцевич спокойно заказал такси и, вернувшись, опустился в кресло.

– У нас еще есть полчаса, – многозначительно сказал он, указывая рукой на дверь.

Дронго встал. Они молча обнялись. Оба без слов понимали друг друга.

– Знаешь, – сказал вдруг Адам, чуть нарушив правила игры, – я тебе немного завидую. Ты опять в игре. А я стою и наблюдаю, как болельщик, и у меня нет больше шансов выйти на поле. Мне осталась только роль наблюдателя.

Дронго кивнул ему на прощание, выходя на лестницу, ведущую во внутренний дворик.

А Купцевич, удобно устроившись в кресле, начал рассказывать своему «собеседнику» о своей жизни. Только через двадцать минут непрерывного монолога Купцевича агенты догадались, в чем дело. Еще через десять минут, дождавшись такси, Купцевич издевательски отменил заказ.

Обескураженные агенты напрасно прождали на вокзале. Ни в Варшаву, ни в Братиславу Дронго не уехал.

Глава 4

В Вену он прилетел из Берлина. Для этого ему пришлось провести всю ночь на вокзале во Вроцлаве, чтобы успеть на поезд до Познани. Пересест в Познани на берлинский поезд было уже легче. В Берлине он еще успел дать телеграмму в Москву и вылететь в Вену.

Происшедшее в Кракове несколько выбило его из колеи. Миссия, с которой он был послан, была настолько секретной, что о ней не могли знать даже его связные в Варшаве и Вене. Но кто-то знал. Была организована показательная демонстрация наблюдения. Может быть, таким образом новое ведомство академика Примакова проверяло свои кадры? Или это рвение работников другого ведомства из команды Бакатина? Бывший КГБ был разделен на две самостоятельные организации, и они вполне могли соперничать друг с другом. Но откуда они могли знать о его поездке в Краков? Ведь об этом почти никто не знал. Хотя для профессионалов слова «почти» не существует. Итак, знали. Кто именно? Вряд ли об этой операции докладывают лично Примакову, хотя вполне может быть, что новый «академик» разведки интересуется именно этой операцией. Примаков был специалистом по Ближнему Востоку, а Индия и Пакистан также могли входить в сферу его непосредственных интересов. Но зачем ему такой спектакль с наблюдением? Чтобы понервировать своего агента перед выполнением ответственного задания? Не похоже.

Знает о задании Дронго и заместитель Примакова. Этот самоуверенный генерал. Он тоже профессионал. Кроме того, он только получил свое назначение и должен стараться изо всех сил, чтобы утвердиться в новом качестве. Может быть, это его личная инициатива. Проконтролировать продвижение агента за рубежом. Тогда зачем столько людей? Раскрывать своего агента перед операцией! Это не просто непрофессионально, но и опасно. Операция может сразу сорваться, и генерал вылетит со своей новой должности, не успев даже к ней привыкнуть.

Полковник Родионов. Он из бывшего Второго управления. Контрразведка. Работники этого управления в основном остались у Бакатина. Может быть, он решил подстраховаться и доложил о нашем разговоре в своем ведомстве? Но почему так топорно? Что за стиль наблюдения! И потом, почему за мной нужно посылать офицера из посольства? Его же знает в лицо почти каждый поляк. Если специально подставляют, тогда конечно. Но кому это выгодно? Они же могут просто все загубить... От напряжения болела голова.

В аэропорту он поймал такси и поехал в отель «Империял», где его уже ждал заказанный для сотрудника ООН комфортабельный номер. В аэропорту он не заметил слежки, но это не значило, что наблюдение снято.

В отеле вежливый портье проводил его до номера и передал письмо представителя Комитета экспертов ООН с просьбой зайти завтра утром к десяти часам в конференц-зал, где будет совещание прибывших экспертов. Регистрация начнется в девять утра.

В своем номере он добросовестно потратил два часа, пытаясь найти подслушивающие устройства. Ему повезло. Он обнаружил сразу несколько «жучков», причем разных модификаций. В телефонном аппарате он ничего не нашел. Это означало, что прослушивалась вся линия. Эта непонятная операция нравилась ему все меньше и меньше. Вечером он должен был встретиться со своим связным. Ненужных паролей и тем более смешных опознавательных знаков не было. Он знал связного в лицо. До условленного времени оставалось три часа.

В телеграмме, посланной в Москву из Берлина, он скрытым шифром сообщал о ведущемся наблюдении и просил через связного срочно объяснить, что происходит. Остаются ли в силе прежние инструкции или случилось нечто исключительное. Телеграмма была грубой, и они должны были среагировать. Во всяком случае, через три часа он узнает об этом. Наличие подслушивающих аппаратов в номере не очень его удивило. Эксперты специального комитета

ООН почти всегда пользовались вниманием со стороны спецслужб тех стран, где они в данный момент работали.

Но «жучков» было слишком много. Кроме того, они были разных модификаций, а это указывало, что интерес к нему проявляют по меньшей мере сразу два различных ведомства. В аппаратах разведки и контрразведки любой страны мира сидели такие же бюрократы-чиновники, как и в других ведомствах. У любой разведки мира в гостиничный номер могли быть установлены «жучки» только одной модификации. Разброс в использовании технической аппаратуры не допускался. Это означало, что, кроме австрийцев, если они действительно проявляли какой-то интерес, его скромная персона заинтересовала и другую сторону. Возможно, это была его собственная страна, но не исключалась вероятность и другой стороны.

Подумав немного, он встал, собрал все «жучки» и утопил их в унитазе. «В конце концов, даже эксперт ООН не обязан быть абсолютным идиотом», – весело подумал Дронго.

«Сегодня я устрою скандал нашему связному», – злорадно решил он. Такой дилетантизм в подобном деле непростителен. Если у КГБ разогнали все кадры, то это их личное дело. Ему наплевать на их внутренние изменения, но если это касается его работы... Пусть относятся хотя бы с уважением. Так подставлять профессионала – это не просто непростительно, это преступно.

От внезапно пришедшей в голову мысли он даже присел на кровать. А что, если это наблюдение – часть тщательно продуманной игры по дискредитации зарубежной агентуры бывших спецслужб? Крючков, возглавлявший долгое время разведку, находится в тюрьме. Грушко там же. Шебаршин уволен. Они сказали, что именно он сдал меня Примакову. А почему я должен им верить? Хотя, по здравом размышлении, другой вариант просто исключается. Они знали обо мне все, практически все, даже о моем ранении три года назад.

Но зачем им тогда именно я? Могли просто не вызывать меня. Я бы так всю жизнь и просидел в своем городе. Здесь что-то не так.

Он вздохнул – до встречи оставалось еще два с половиной часа. «Нужно будет спуститься в ресторан, а потом поехать на встречу», – решил он, взглянув на часы.

Обед занял около часа, и у него еще осталось немного времени, чтобы принять душ, переодеться и пешком отправиться на встречу, заодно проверяя, нет ли за ним наблюдения.

«Хвостов» не было. Это его немного удивило, и он еще раз проверил сам себя. Все было в порядке. «Нервы, – подумал Дронго, – у меня, кажется, сдают нервы».

В условленном месте он был за десять минут до встречи. Зайдя в магазин напротив, он, улыбаясь, изучал австрийские сувениры, внимательно наблюдая за обстановкой. Связной появился в другом конце улицы почти вовремя. Он шел по другой стороне улицы, и Дронго, оторвавшись от сувениров, вышел из магазина.

Связной еще не видел его, но расстояние между ними быстро сокращалось. Четыреста метров. Триста. Именно в этот момент раздался противный визг тормозов.

Он еще не успел понять, что произошло, когда рассудок заставил его прижаться к стене. Из автомобиля раздалось несколько выстрелов. Связной, недоуменно посмотрев по сторонам, смешно взмахнул руками и сполз на землю. Автомобиль, не останавливаясь, завернул за угол. Дронго успел заметить номер этого темно-синего «Вольво». Связной лежал на тротуаре в луже крови. На лице у него застыло обиженное, почти детское выражение. Начали собираться люди, раздался крик женщин.

Дронго подошел поближе. Здесь он уже ничем не мог помочь. Кинув последний взгляд на несчастного, он заторопился в отель. Кто бы это ни был, начав подобную игру, он уже не остановится. Значит, нужно делать выбор. Игра началась, и он уже потерял один из своих козырей.

Глава 5

Серьезность ситуации требовала конкретных четких и продуманных действий. Убийство связного было исключительно неприятным сигналом к началу действий. Профессионалы предпочитают обычно не устраивать таких театрализованных представлений в духе дешевых трагедий. Застрелить связного на глазах агента – это весьма символическое предупреждение. Если это сделала мафия или кто-нибудь из торговцев наркотиками, тогда все в порядке – они любят такие неприличные трюки. Но профессионалы! Кому понадобилось убивать связного и еще таким первобытным способом! Автомобиль могли опознать, на улице могла оказаться полиция... Дронго шел медленно, проверяя еще раз возможность наблюдения.

По логике вещей, нужно переходить на резервный вариант. Но после назойливых советских агентов в Польше он не знал, стоит ли вторично испытывать судьбу. Хотя они наверняка узнают о смерти связного и попытаются выяснить, куда он исчез. У него в запасе всего одна ночь. Он решительно двинулся к телефонной будке. Если он не забыл телефон Марка в Амстердаме, значит, у него может появиться шанс. «Только бы Марк был дома!» – думал он, набирая код и номер Амстердама.

Трубку подняла женщина.

– Я вас слушаю.

– Мне нужен Марк Ленарт.

– Его нет, – женщина ответила, чуть замешкавшись.

– Передайте ему, что звонил Саундерс. Ричард Саундерс. Я перезвоню через десять минут.

Он положил трубку, не дождавшись ответа. Подумал, набрал еще один номер. Ответил автоответчик.

– Мне нужна срочная встреча, – сказал он условленную фразу. Это был резервный вариант встречи со связным. Ответ будет только под утро, но это был вызов чрезвычайной важности. Подумав немного, он еще раз набрал код и телефон Ленарта.

На этот раз ответил сам Марк.

– Да, я слушаю.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер, – Марк понимал все без слов и не задавал ненужных вопросов. Раз Дронго позвонил, значит, случилось что-то серьезное.

– Мы можем встретиться? – Он хорошо помнил эту фразу и следующую: «Мы не виделись сто лет». Это был условный сигнал. Ленарт все понял.

– Я могу приехать только через две недели. Где ты остановился?

Это означало, что Марк вылетит сегодня ночью.

– Как обычно, в Вене. Отель «Империял». 307-й номер.

– Обязательно приеду.

– Я приехал с делегацией. У нас будет встреча экспертов.

Дронго успел сказать все, что хотел. «Делегацией» они по взаимной договоренности называли наружное наблюдение. Теперь Марк будет знать все.

– Обязательно приеду, – Ленарт положил трубку первым, не спросив более ни слова. Был только один шанс из ста, что их могли прослушивать. Но оба профессионала хорошо знали о важности такого шанса. Кажется, у него появился серьезный козырь. Нужно будет только правильно его использовать.

Начался мелкий дождь, и он заспешил к остановке такси. Ночевать сегодня в «Империяле» было рискованно. Неизвестный противник вполне мог выйти на него. Ему следовало продержаться до утра, встретиться с Марком и только затем отправиться в «Империял». Он

представил себе, как его сейчас ищут. Советская разведка вряд ли, он все-таки успел перейти на резервный канал, а вот другая сторона очень ищет. Неужели это австрийцы? Если связного убрала не мафия, то это могли быть или американцы, или немцы. Англичане действуют в таких случаях изощреннее, а французы почему-то любят обращаться к помощи снайперов.

Он поймал такси и отправился в центр города. Дронго был убежден, что Ленарт прилетит первым же рейсом из Амстердама. По его расчетам, он должен был прилететь в Вену в пять часов утра. Но появляться в аэропорту раньше времени было непозволительной роскошью. Он подъехал к собору Святого Штефана и отпустил такси. Пройдя площадь, он зашел в небольшой ресторанчик и, сев за столик в глубине зала, взглянул на часы. До приезда Ленарта еще очень много времени. Только теперь он почувствовал, как проголодался. Подскочивший официант принял заказ и молча удалился. Играла негромкая музыка, не мешавшая думать, и он вновь сосредоточился на своих проблемах.

Примаков хотел, чтобы он проверил старую агентурную сеть в Индии и Пакистане. Знает, у него есть сомнения? Но почему в таком случае он не вышел на своих резидентов в этих странах? Для чего ему нужен был Дронго? Только в качестве официального прикрытия, или его задачи несколько шире? Родионов намекнул ему, что после провала Полякова они не особенно доверяют своей агентуре в Индии. Может быть, они не особенно доверяют и ему. Может, они решили проверить свою агентуру другим способом, выслав его для прикрытия. Тогда понятно, почему за ним шли в Варшаве советские агенты. Но почему так демонстративно? Вообще почему все делается так показательно? И слежка за ним в Польше. И убийство связного в Вене. словно кто-то специально решил немного испугать его.

Этот непонятный вызов в Москву, самодовольный генерал, и вся эта никому не нужная операция. Неужели для инспекции резидентов они не могли использовать своих офицеров в посольствах? Хотя, согласно предварительным данным полковника Родионова, он должен будет побывать с миссией экспертов ООН в районах Пешавара в Пакистане и Сринагаре в Индии. А в эти места проезд советским дипломатам запрещен. В Индии еще можно получить разрешение, но советский представитель сразу окажется под жестким прессингом индийских спецслужб. Хотя в целом в Индии работать куда легче, чем в Пакистане. По взаимной договоренности деятельность советских дипломатов в Пакистане была резко ограничена, учитывая то, что они не могли попасть в приграничные с Афганистаном города, где находились лагеря афганских моджахедов. Что говорить о дипломатах, если даже обычных советских людей, следовавших по маршруту Москва – Ханой, через Ташкент, Карачи и Калькутту, не выпускали в Карачи в аэропорту. Этот тяжелый рейс пассажиры вынуждены были проводить в самолете от Ташкента до Калькутты. В Карачи во время заправки огромных аэробусов «Ил-86» все транзитные пассажиры вынуждены были оставаться внутри авиалайнеров в течение полутора часов.

И даже учитывая все эти обстоятельства, выбор Примакова был далеко не лучшим. Эксперт ООН всегда на виду, а профессионалу его класса не всегда поручалась подобная малопочетная роль проверяющего. «Этот самодовольный генерал работал в отделе внешней контрразведки Первого управления, – вспомнил Дронго. – Значит, он раньше был заместителем Олега Калугина. Примаков может ему не особенно доверять, памятуя скандальное разоблачение, сделанное бывшим шефом внешней контрразведки. Этот отдел проверял деятельность агентов за рубежом и, хотя подчинялся начальнику Первого управления, по своим методам и характеру действий скорее тяготел к тяжелому стилю Второго управления КГБ, действовавшего не всегда только внутри страны».

Закончив свой ужин, Дронго подошел к телефону и еще раз позвонил. На этот раз своему портю.

– Добрый вечер, – мягко сказал Дронго, – вас беспокоит 307-й номер. Меня никто не спрашивал?

– Звонили два раза, – охотно отозвался портю, – и оставили какой-то конверт для вас.

– Конверт? – изумился Дронго. Он понимал, что нужно заканчивать разговор, телефон ресторана могли обнаружить за 30–40 секунд.

– Да, – подтвердил портье. – Он лежит у меня.

– Я буду под утро, – быстро сказал Дронго, кладя трубку.

– Хорошо, месье, – успел услышать он.

Час от часу не легче. Откуда мог взяться этот конверт? Ленарт еще только летит, а второй связной свяжется с ним лишь утром. «Появился третий неизвестный, – разозлился он. – Все время какие-то непонятные игры!» Он поймал такси и поехал в аэропорт встречать Марка Ленарта.

Глава 6

В отель он вернулся в девятом часу утра. Предупредительный портье вручил ему ключи и конверт. Конверт был небольшой, и, верный своим принципам, он сразу вскрыл его. В записке было всего несколько фраз. «Ричард, звонила трижды, не смогла застать. Встретимся внизу. Натали». Он опустил бумагу в карман.

Натали здесь. Тогда, в 1988 году, они чудом спаслись в Южной Америке. Ее чуть не убил Миура, этот японский «супергерой». Один из агентов Интерпола пожертвовал жизнью, спасая Натали. Ей удалось чудом бежать. Это было три года назад. С тех пор они никогда не виделись и не слышали друг о друге. Прошло столько времени. Знает ли она о его ранении, о его долгом бездействии?

Он вышел из лифта и, пройдя по коридору, вставил карточку в замок своей двери. Дверь мягко открылась. Все правильно. В его номере уже побывали гости. Профессионалы знают, что даже при самом поверхностном обыске невозможно скрыть следы своего пребывания. У него в комнате работали явно не профессионалы. Вещи были грубо скомканы. Дверца шкафа чуть приоткрыта. Ручка, лежавшая на столе, валялась на полу. Он прошел в ванную комнату. Здесь тоже поработали, и достаточно грубо, хотя видимых следов они, конечно, не оставили.

«Что происходит?» – в который раз спросил он себя. Почему его преследователи так демонстрируют свой интерес? Или это полное пренебрежение к нему как к профессионалу? Не похоже. Иначе связного не стали бы убивать. Но тогда зачем такие жесты? И кому это выгодно?

Он тщательно побрился, переоделся и вышел из номера. Записку Натали он уничтожил.

Внизу шла регистрация экспертов. Специальный комитет по предупреждению преступности и борьбе с ней при Экономическом и социальном совете ООН объединял в своих рядах лучших экспертов из различных стран мира. Некоторые знали друг друга в лицо, среди экспертов были и профессиональные агенты Интерпола, выполняющие наиболее деликатные поручения ООН. Эти появлялись на конференциях и совещаниях, как правило, под чужими именами. У него и на этот раз был паспорт на чужое имя. Руководство комитета знало его как советского эксперта высшей квалификации. Других данных, как правило, не требовалось. Эксперты-профессионалы почти всегда были связаны с разведслужбами своих стран, и узнавать их имена считалось неприличным. Он зарегистрировался, получил пакет документов и прошел в глубь зала, когда за спиной раздался чуть насмешливый голос:

– Доброе утро, мистер Саундерс.

Он обернулся, сразу узнав этот голос.

– Господи, – улыбнулся он, обнимая женщину, которая бросилась ему на шею, – ты совсем не изменилась. Даже похорошела.

– Не говори глупостей, – она погрозила ему пальцем, – знаешь, сколько мне сейчас лет?

– Не напрашивайся на комплимент. Ты великолепно выглядишь, Натали.

– Ты тоже мало изменился. Кстати, как тебя сейчас зовут? Я-то помню тебя под именем Ричарда Саундерса.

Он сказал. Она повторила медленно, словно пробуя имя на вкус. Затем, точно не соглашаясь, упрямо сказала:

– Ричард было куда лучше.

– Называй так, если нравится, все равно и это имя не настоящее, – засмеялся он.

Мимо них прошел невысокого роста лысеющий человек с характерным выражением внимательных карих глаз.

– Ты его знаешь? – шепотом спросила Натали.

– Нет.

– Это Андраш Галсэчи, шеф венгерской разведки. Утром приехал из Будапешта.

– Что-то серьезное? – тоже шепотом спросил он, моментально запоминая Галсэчи. Вернее, его большие уши.

– Как всегда – наркотики, – вздохнула Натали. – Теперь они идут через страны Восточной Европы. «Железный занавес» рухнул, и у них теперь редкая свобода перемещения своих грузов.

– Я знаю, – улыбнулся он. – Как ты живешь, Натали?

– Лучше всех. Как может жить секретный агент?

– Ты не замужем?

– Ты забыл, я ведь люблю свободу. Но я слышала, ты был ранен? – спросила она, перехватывая инициативу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.